

РЕЧКА МОЕГО ДЕТСТВА

В.М. ПЕСКОВ (Рожд. 1930)

Я исполнил наконец старое обещание, данное самому себе: прошел от истоков до устья по речке, на которой я выросал.

В наш век все поддается учету. Подсчитали и реки. Их в стране, кажется, двести пятьдесят тысяч. Усманка обязательно попала в это число, хотя речка она и маленькая.

Для меня эта речка была первой и едва ли не главной жизненной школой. Если бы спросили: что всего более в детстве помогало тебе узнавать мир? Я бы ответил: речка.

Мать говорит, что в год, когда я родился, заросли тальников, ольхи и черемухи подходили с реки к нашему дому, хотя дом стоял от воды почти в километре. В зарослях находили приют соловьи. Соловьиная трель по ночам была такой громкой, что приходилось закрывать окна, иначе спавший в подвешенной к потолку люльке младенец вздрагивал и ревел... Я соловьев возле дома уже не помню. Но дорожки к реке в поредевших зарослях лозняка, перевитого хмелем, в памяти сохранились. Лет в пять, замирая от страха, я осилил такую дорожку. И с того лета речка для меня стала самым желанным местом.

Плавать мы, жившие у реки ребята, учились так же естественно, как учатся в детстве ходить. Так же само собой приходило умение владеть веслом, переплывать плес, держась за лошадиную гриву. В какой-то момент мальчишка одолевал страх и прыгал, как все, вниз головой с высоких перил моста, пробегал на коньках по первому льду, который прогибается и трещит. Каждый человек должен иметь в своем детстве эти уроки. И у каждого из нас они были.

Однажды в солнечный день я опустил с лодки голову к самой воде и увидел гладких шустрых жуков, каких-то козявок, скопище мелких живых красных и черных точек.

Полдня мы пролежали с приятелем на носу лодки, наблюдая свое открытие.

А сколько радостей и открытий давала в детстве рыбалка. Рыболовами у реки становятся рано. Помню: ловля вначале велась подолом рубахи, потом старым мешком, потом удочкой на крючок, добытый у «лохмотника» за охапку костей и тряпок. Лет в десять на чердаке я обнаружил свою плетенную из хвороста колыбельку, и мы с приятелем стали владельцами снасти под названием «топтуха». На мелких местах двое мальчишек тихонько подводят к берегу снасть и начинают топтать, шелухать ногами в кустах и осоке. Вынешь «топтуху», в ней щуренок или налим, язи, окуньки, пучеглазые раки. Окоченев от лазанья по воде, мы грели животы на песке и опять лезли «топтать».

С «топтухой» мы уходили далеко вверх и вниз по течению Усманки, и только теперь по-настоящему я могу оценить, сколь много дарил нам каждый день этих речных хождений.

Мы находили в пойме утиные гнезда, видели, как кидается в воду, вытянув когти, большая птица скопа, замечали, как невидимкой бегает по траве коростель, как, притаившись на одной ноге, терпеливо поджидает лягушек цапля. Мы находили бобровые норы, знали, на каких плесах в осоке дремали большие щуки, научились руками в норах ловить налимов и раков.

Сама речка, таинственно текущая издалека и уходившая по осокам и лознякам неизвестно куда, будоражила любопытство. Откуда, зачем и куда плывет задумчивая вода? Перебрав по пальцам знакомые села, я обнаружил: они все стоят на реке. В десять лет я думал, что это река, делая бесконечные петли и повороты, считала нужным пройти как раз у села. Лет в тринадцать я понял: не вода к людям, а люди тянулись к воде, вся жизнь ютилась возле воды.

Возле воды по лугам бродили коровы, к реке на ночь выгоняли пасти лошадей, в июне косари валили над Усманкой травы, к реке шли с ведрами за водой, к реке несли полоскать белье, у реки по вечерам деревенские девки собирались петь песни, по берегам в чаплыгах ходили два сельских охотника Усанок и Самоха, с реки зимою на маслобойню возили в санях прозрачно-синие глыбы льда. Купание летом, костры на берегах осенью, плавание в лодке по весеннему половодью... Только теперь понимаешь, сколько радости дает человеку великое чудо – река, пусть даже маленькая.

Кажется, в книжке для третьего класса я прочитал рассказ «Откуда течет Серебрянка» – рассказ о том, как мальчишки решили узнать, откуда течет их речка. Я тогда еще думал: хорошо бы и нам по Усманке... Но прошло тридцать лет. И нынешней осенью вдруг я почувствовал: со старым другом надо увидеться.

Перед поездкой два вечера я просидел в Исторической библиотеке, задавшись простым вопросом: а что известно людям о маленькой речке? Оказалось, известно, и даже немало.

Первым в бумагах речку упомянул русский посол Михаил Алексеев, ехавший из Турции на санях (1514 год): «Бог донес до Усманцы по здраву». Другими словами, ничего с послом на опасном пути не случилось, а доехав до Усманки, посол почувствовал себя уже дома, хотя до Москвы было еще пятьсот с лишним верст. В то время по Усманке проходил юго-восточный край Русского государства. Степь, лежавшая за рекой, называлась Нагайской степью. Из нее на русские села (названия их сохранились поныне – Чертовицкое, Нелжа, Животинное, Ступино, Карачун) нагайцы совершали набеги: уносили имущество, брали скот, на веревках повязав к седлу, уводили невольников. При царе Алексее Михайловиче решено было оградить государство от татарских набегов. Двадцать лет строилась знаменитая Белгородская черта – высокий земляной вал, деревянные надолбы и деревянные крепости-городки. На этой черте, тянувшейся

лесостепью из-под Тамбова на юг, Усманка была естественным рубежом, через который татарам не просто было прорваться. Сама река, леса по ней, болота и топи были преодолимы только на «перелазах». Вот тут, в уязвимых местах на пустынной «богатой рыбными и бортными угодьями «речке», русский царь велел построить крепости-городки.

1646 год. На Усманке против «татарского перелаза» строится городок с названием Орлов. «За год двести тридцать драгун – Кирюшка Бучнев и Савка Коноплин со товарищи построили город». Читая эти строчки в пожелтевших бумагах, я волновался. Я вспомнил, что в пятом классе сидел за одной партой с Ваней Бучневым и был в нашем классе отчаянный двоечник Коноплин Петька. Наверняка это были потомки тех самых «драгун», рубивших крепость на берегу Усманки в 1646 году. Наверняка те самые двести тридцать служилых людей дали начало распространенным в нынешнем Орлове фамилиям Солодовниковых, Песковых, Прибытковых...

Жизнь моих сельских пращуров была беспокойной. Леса, земли и воды было тут много, но каждый час ждали набегов. Сторожевым постам, выступавшим за Усманку в «дикую степь», воевода предписывал: «Два раза кашу на одном месте не варить. Там, где обедал, – не ужинать. Там, где ужинал, – не ночевать». Одним словом, глаз да глаз нужен был на границе, проходившей по Усманке. Орлову городку надлежало охранять по реке линию в двадцать восемь верст. Это как раз те места, где я мальчишкой ловил налимов и раков.

Петр I, начав строительство кораблей, из селений по Усманке требовал провиант, лошадей для вывозки леса, плотников на строительство, в селе Парусном шили для кораблей паруса, в селе Углянец (от Орлова в семи километрах) жгли уголь для кузниц. В низовьях Усманки, на затоне Маклок была основана «малая верфь», где строились легкие челноки и лодки довольно больших размеров.

Еще я узнал, что Усманка – это значит Красивая. Она оказалась почти единственной речкой в нашей стране, где к двадцатым годам этого века сохранились бобры и где расположен сегодня Воронежский заповедник.

Усманка течет с севера к югу, а потом делает петлю и течет назад с юга на север. Длина реки – сто пятьдесят километров. Эти сто пятьдесят километров мне с посошком и предстояло пройти.

Начало реки... Для меня всегда это было притягательной тайной.

Началом Усманки я ожидал увидеть родник (думал: напьюсь незамутненной воды и пойду), но я ошибся. Истока речки долго не мог найти. Наконец общим усилием пастуха, двух стариков и молодого шофера место рождения Усманки было предположительно найдено. Между деревнями Московской и Безымянкой лежит понижение, когда-то непроходимое из-за топей, зарослей тальников, камышей, ветел, березняков. Из этого «потного места», «кишевшего куликами и утками», тихо и незаметно утекал ручеек, названия которому тут не знали. Теперь «потное место» было сухим. Несколько одиноких

ветел росло между полями подсолнухов и пшеницы. Хорошо приглядевшись, можно было заметить что-то вроде ложбинки. Простившись со стариками, я и пошел почти незаметным руслом. И только к вечеру в гриве осоки и почерневшей таволги увидел зеркальце чистой воды. Размером с городское окно колдобина, но вода светлая, в ней отражалось вечернее небо и куст лозняка с лимонными листьями. Я умылся у бочага, до смерти перепугав жившего в нем лягушонка.

С этого места русло я уже не мог потерять – оно обозначено было по полю полоской высокой травы. Русло без мостков и каких-нибудь насыпей пересекали полевые дороги.

– Это Усманка? – спросил я шофера, гнавшего по дороге машину-цистерну.

– Усманка, – сказал парень.

– А что везете?

– Воду везу на ферму со скважины. Речка у нас вон какая теперь...

Речка была без воды. В любом месте полосу трав можно было пройти, не замочив ноги. На несколько километров – сухая степь, и в ней травяной призрак реки...

Первую ночь я провел в стогу пшеничной соломы. «Гостиница» эта кишела мышами. Мыши возились и шуршали около уха. Но было тепло и уютно. Светила большая луна. Синевато блестела роса по озими. В «нагайской степи» за речкой двигался огонек трактора. Сова, привлеченная писком мышей, несколько раз неслышно пролетала у лаза в мою ночлежку...

А потом было девять дней путешествия. Я увидел, как в травах все чаще и чаще сверкала вода. По руслу тянулась цепочка мелких болотцев и озерков. Появлялись кусты лозняка, камыши, одинокие ольхи, кусты калины и ветлы. Протиснувшись в одном месте сквозь заросли, я в первый раз увидел в светлой воде маленьких рыбок. Река понемногу, постепенно и тайно набухала в зарослях родниковой водой. Но вода все еще не текла. Спичечный коробок, кинутый в светлую лужицу, так и остался на месте. На буграх по-над поймой белели в лозинках старые села: Стрельцы, Пушкари, Сторожевое. Под селом Красным я присел закусить, наблюдая за мальчиком с удочкой. И тут в первый раз услышал журчание. Я подошел к мостику для полоскания белья и увидел: поплавок на удочке у мальчишки медленно тянет течение. А в узком рукаве между камышами вода журчала и маленькой силой своей качала одиноко стоявшую камышинку.

Так зарождалась речка. Текла она, как все равнинные воды, извиристо, то разливаясь неширокими плесами, то ручейком, по которому проплыл бы только бумажный кораблик. Встречаясь с людьми, я заводил разговор о реке. И все до единого разговоры кончались невесело: речка меняется. «Вот с этой ветлы перед самой войной мы прыгали вниз головой, лет пять назад можно было еще купаться. «А сейчас – тапочки не замочишь...»

За городком Усманью речка делает поворот и прячется от людей в лес. Попытавшись двигаться поймой, я понял, что в этом месте Усманка превращается в Амазонку: непролазные чащи крапивы, ольшаника, топи, заросшие лозняками, болиголовом, крест-накрест лежат осины, срезанные бобрами, – не то что пришлый татарин когда-то, но и здешние люди сегодня не рискнут перейти Усманку в этих местах. Лесными дорогами, оставляя речку по правой руке, я прошел до знакомых кордонов, и тут, взяв лодку, мы с приятелем двигались уже водным путем.

Для лодки и тут, в заповеднике, река во многих местах непролазна, она заросла, заболотилась, обмелела. Но сердце у меня притихло от радости, когда уже в сумерках лодка выбралась на широкие плесы. Нигде в другом месте я не видел более тихой воды. Черные ольхи и зеленые ивы отражались в красноватом вечернем зеркале. Речка разрезала тут знаменитый Усманский бор. И вся жизнь заповедного леса тянулась сюда, к берегам. Пронесся, едва не чиркая крыльями воду, и сел на упругую ветку голубой зимородок. Козодой летал, почти касаясь крыльями лодки. В кустах за вывороченным половодьем ольховым коблом кто-то топтался и чавкал. Неслышно опуская весло, мы подплыли вплотную и замерли. В двух метрах от лодки кормилась семья кабанов. Протянув весло, я мог бы достать темневшую из травы спину беспечного годовалого поросенка...

Три часа не спеша мы плыли по вечерней реке. Две стены черного леса, а между ними – полоса неба вверху и те же звезды, повторенные сонной водой, внизу. На повороте у камышей бобр ударил хвостом так близко, что окатил сидевшего на носу лодки брызгами. В глубине леса ревел олень. Ему отзывался второй от реки. На берегу, как залетные пули, прошивали кроны дубов и тяжело падали в темноту желуди. Иногда желудь срывался в воду, и тогда казалось: не с дерева, а с самого неба падало что-то в реку.

При свете фонарика я записал в дневнике: «Заповедные плесы. Счастливый день. Все было почти как в детстве...» Я не знал, что завтра и послезавтра будут у меня грустные дни.

А началось все сразу, за воротами заповедника. Вода кончалась насыпной плотинкой, и стало ясно: не будь плотины, плесов бы не было. Всего, что собирает Усманка в верхнем течении и в заповедных лесах, едва-едва хватало для сохранения старых бобровых плесов. А ниже плотины лежал сухой и черный каньон. Берега с обнаженными корневищами пней, с налимыми норами и всем, что составляло когда-то тайну реки, теперь были сухими и пыльными. Ключик посредине песчаного дна был таким мелким, что красногрудая птичка, прилетевшая искупаться, едва замочила лапки. Но плотина была нужна заповеднику. Я вспомнил: и раньше хорошую воду на малых равнинных реках держали мельничными запрудами (на Усманке их было кажется, девять). Но через слив у плотины всегда бежал избыток воды, и, главное, на всем течении речку питали подземные родники, прибрежные бочаги и болотца, ручьи, бежавшие из лесков и с мокрых лугов. Теперь тощая Усманка, выбегавшая из леса в открытую солнцу и ветру степь, ничем не питалась...

Около сорока километров прошел я почти умиравшей рекой. Это были знакомые с детства места, знакомые села: Приваловка, Желдеевка, Енино, Лукичевка, Углянец. В тех местах, где были когда-то лески и нависавшие над водой лозняки, не было теперь ни единого кустика, ни единого деревца. Лугов тоже почти не осталось. Пашня подходила местами до самой воды. Местами побуревшая пашня была брошена, на ней качались чертополохи и малиновым цветом маячил колючий татарник. Ни одной мочажины, ни единого ключика не текло в реку. Местами можно было только угадывать руслица пересохших ручьев. Река, прежде кудрявая от растений и таинственная оттого, что в воде все повторялось, как в зеркале, теперь лежала раздетой и беззащитной. Берега, обозначавшие прежнее русло, теперь заполнены были смытым песком. И только посредине песчаной реки текла вода, местами такая мелкая, что были видны спины у пескарей, убежавших от моей тени...

У деревни Углянец, единственный раз в среднем течении, встретил я рыбаков. Четыре продрогших парня поочередно бродили в воде с маленьким, частым, как решето, бредешком. В пластмассовом прозрачном мешочке был жалкий дневной улов – десятка два пескарей и в ладошку – шуренок. И это были места, где «топтухой» я ловил ведро рыбы, где взрослые бреднем и неводами ловили пудовых щук и в одну тоню доставали полвоза лещей, где «местная рыба» была таким же обычным продуктом питания, как и картошка...

Наиболее грустным был час, когда я дошел наконец к местам, особенно мне дорогим. Вот бережок, на котором я любил сидеть с удочкой. Теперь от него до воды по песку шагов сорок. Вот «Селявкина яма». Двое мальчишек, закатав штаны, возились у берега. С этого берега я прыгал вниз головой, а на середине плеса «не было дна». Я попросил мальчонку дойти к середине реки. Мальчик прошел через плес – и везде воды ему было ниже колен. В помине не было заводей с кругами зеленых кувшинок, с осокой и тальниками, с бело-розовым цветом куриной слепоты. Вон там, где проходит теперь дорога, был мостик, с которого полоскали белье, за ним было «девичье куплище», где утонул не умевший плавать юродивый нищий.

Не было у реки теперь луга, опушенного лозняком и раkitами, луга, где на моей памяти мальчишки пасли лошадей, где вызревали богатые сенокосы, где в топких местах водились утки и чибисы, где в самом начале лета «на троицу» собирались повеселиться несколько тысяч людей из села Красина, из Орлова, из Горок. Теперь луга были вспаханы. И остаток зеленого лоскутка исчезал у меня на глазах. По-над берегом взад-вперед ходил голубой трактор с плугом. Пыль бурым холстом повисала в том месте, где обычно по осени лежали туманы...

Я подошел поздороваться с трактористом и спросил: что собираются тут посеять?

– А хрен ее знает что! Растить ничего тут не будет.

– Зачем же пашете?

– А наше дело какое, наше дело пахать...

Не стану перечислять всех людей, с которыми пришлось говорить в эти дни. Единодушно все сокрушались: «Да, река...» Но отчего? Кое-кто помоложе пожимал плечами: «Не поймем. Сохнет, и все...»

В деревне Енино я полдня посидел с Павлом Федоровичем Ениным. Старика я встретил на берегу. Он сидел, опершись на палку, и вел разговор с бабами, доившими коров по другую сторону речки.

– Что, дедушка, вышел погреться? – приветствовал я его голосом, каким обычно говорят с малышами и стариками. Но старик ответил трезво и рассудительно:

– Мне, сынок, тут, у речки, и курорт, и телевизор, и все, что хочешь...

Старику было девяносто два года. Но только ноги отказались ему служить. (Внук Мишка приводит деда к реке.) Голова у этого, наверно, самого древнего человека на Усманке в полной исправности. Мысли ясные, а редкой памяти я позавидовал. Старик во многих подробностях, с именами друзей, погибших и выживших, рассказал о войне в Порт-Артуре, где он отличился. Я услышал, как тут, возле речки, в июне 1903 года за самовольный покос монастырского луга пороли енинских мужиков. «Сам губернатор с войсками приезжал из Воронежа руководить поркой». Старик помнил не только имена мужиков, но также и количество плеток, «определенных для каждого доктором». Старик вспомнил, как держался каждый из тех, кому задирали рубаху и клали книзу лицом. «Митроха Акиньшин показал кулак губернатору: я, ваше превосходительство, так могу стукнуть – кости не соберете... Ему, Митрохе, больше всех и досталось. А Иван Бородин сам лег. Братцы, говорит, не робейте. Земли наберите в рот, чтобы крику бабы не услышали...»

За «хожалость и опытность» в двадцатых годах Павла Федоровича выбирали первым председателем в Орловский сельский Совет. Но главным и любимым делом, о котором старик вспоминал с удовольствием, была мельница. «Она помещалась как раз вот тут, где сидим... А там, где бабы с ведрами переходят, была плотина. Каждое лето плотину всем миром строили. Я мельником был...»

Усманку Павел Федорович знал хорошо. И когда зашел разговор о переменах на речке, сказал:

«Без причины, сынок, и прыщик не вскочит. Всему есть причина. Вон, видишь, синее пустошь? Там был лесок. Его срубили. Далее под Углянцем лес подходил к самой речке. Тоже частично срубили. Под Орловом хороший осинник и березняк рос. Срубили. Около Горок ольшаники были. От них остался маленький лоскуток. Вот уж совсем недавно тут у нас около Забугорья ольховый лесок свели.

Рубить начали, помню, в 14-м году. Рубили воровски, считая, что рубим «не наше», а чье-то чужое. Орловский лесок свели в 23-м хавские мужики. Считали: «Теперь это наше, можно распоряжаться». В войну беда заставляла рубить. Солдаты рубили, чтобы мосты навести, вдовы рубили – детей обогреть. Позже, считаю, рубили просто по глупости – все, что росло над рекой, было как бы ничейное. Срубили лески, срубили до

хворостинки и потравили коровами лозняки. Вот и раздели речку до основания. Ключи, которые текли из лесков и болотин, высохли. А потом пошла пахота. Пашут до самой воды. Смытая в речку земля забила, затянула все родники. Откуда же браться воде?...»

...Трактор, пахавший луг у Орлова, я встретил на другой день после встречи с енинским стариком и сразу пошел в село той самой улицей, по которой в детстве бегал к реке. Хотелось узнать: велика ли корысть от пахоты возле речки?

Директором Орловского совхоза оказался однофамилец мой Песков Илья Николаевич. Я приготовился к драке. Но неожиданно ни директор, ни сидевший в конторе агроном Михаил Семенович Котов драться не захотели.

– Да, речку губим, – сказал агроном.

– Губим. И, главное, без толку губим, – сказал директор.

В разговоре прояснилась такая картина. Орловский совхоз решено было сделать овощеводческим: «Вы близко к городу, у вас речка, ведите поливное хозяйство...» – «Мы возражали против распашки лугов (возражали, как видно, робко!). Но нас не послушали». В результате привезли в совхоз из Воронежа карту «овощного севооборота», где обозначено было, что осушить у реки, что распахать, где убрать остатки кустов.

Распахали по этому плану шестьдесят шесть гектаров приречных лугов.

– Наверно, большой урожай собираете? Вот точная запись директорского ответа:

– В 67-м году взяли с гектара по сто тридцать центнеров огурцов. В 68-м взяли столько же. А в 69-м – ноль. Ничего не взяли... Теперь эту землю даже и залужить вряд ли придется.

Вот он, печальный итог пахоты возле речки: лугов, на которых, плохо ли, хорошо ли, кормилась скотина, теперь нет; обезвожена речка (поливать пашню в пойме, как теперь выясняется, нечем – «мальчишки, дурачась, запрудят вверху ручеек, и все, воды у нас нет»); и нет злополучных огурцов, ради которых составлялась в областном центре земельная карта, ради которых и теперь еще трактор продолжает распахать пойму.

Мне захотелось узнать, чьей же мудростью все это освящено. Директор достал из сейфа затейливо разрисованный ватман, и я прочитал: «Воронежская землеустроительная экспедиция. Начальник – Боженков, инженер – Ягодкин, начальник партии – Симонов». – Скажите, Михаил Семенович, – спросил я совхозного агронома, – что это – неграмотность? Или дело в чем-то другом? «Устроителям земли» и вам лично разве не ясно было, чем кончается пахота берегов тут, на степной речке?

Ответом было молчание. Этим разговор и окончился. Бывают минуты, когда людям стыдно глядеть друг другу в глаза.

Остаток пути по Усманке показал: там, где сохранился в пойме кустарник, где сберегли хотя бы малый лесок и земли не тронуты плугом, речка сразу же оживает. Получая сверху лишь малость воды, Усманка в этих местах живет «автономно».

Появляются родниковые плесы, тростниковые заводи. Уже нельзя беспрепятственно проходить берегом – путь преграждают топкие луговины и ручейки. В таких местах вода наполняется жизнью. У села Горки первый раз за дорогу я спугнул стайку чибисов и встретил мужчину-удильщика. А выйдя на лесной берег под Новой Усманью, не поверил глазам – большой ширины водная гладь сверкала под солнцем.

– Это что, озеро?

– Нет, это Усманка, – отозвался парень, чинивший лодку.

Такими же плесами река разливалась и у села Репного. Полоса леса и мокрый, заросший лозняком луг питали водой и хранили Усманку в этом месте. Я присел возле Репного на бережок. Десятка два лодок стояло тут на приколе. По воде расходились круги от рыб. Плесы казались бездонными. Чуть пожелтевший лес спускался к самой воде. От реки в чащу уходили поросшие ежевикой тропинки. Вот такой я помнил речку моего детства. Такой хотелось видеть ее во всем течении. Просто не верилось, что широкие плесы небрежением человека превращаются в жиденький, бегущий по лескам ключик.

И последняя дневниковая запись: «От Виневитинского кордона плыл до устья на лодке....»

Выбегая из бора, речка делает в травах у лозняка прощальный изгиб. И вот уже, приподнявшись в лодке, я вижу воды другой реки. Сейчас Усманка с ними сольется. Рядом с лодкой плывут кленовые желтые листья, плывет оброненное птицей перо. Вода светлая, торопливая. Куст ивняка... И вот уже нет Усманки – лодка плывет по тихой реке с названием Воронеж.

У каждого из нас есть «своя речка». Неважно какая, большая Волга или малютка Усманка. Все ли мы понимаем, какое это сокровище – речка? И как оно уязвимо, это сокровище?! Можно заново построить разрушенный город. Можно посадить новый лес, выкопать пруд. Но живую речку, если она умирает, как всякий живой организм, сконструировать заново невозможно.

Последние годы во всем мире идет озабоченный разговор о воде. Вода становится одной из главных ценностей на земле. Но когда говорят: «Миссисипи мелеет» или «Мелеет Дон», не все понимают, что корень проблемы лежит на берегах маленьких Усманок и даже безымянных речек и ручейков. Жизнь зародилась, осела и развивается около рек. Только-только пробившийся из земли ключик без пользы уже не течет. Но, кроме благ и радостей, отдаваемых всему живущему на ее берегах, речонка упорно несет свою воду в «общий котел», из которого пьют сегодня огромные города и крупные промышленные центры. И если какой-нибудь город начинает страдать от жажды, если мелеют большие реки, первую из причин этому надо искать там, где расположены «капилляры» водной системы, – на малых речках.

Проверим это, к примеру, все той же Усманкой. Река эта – главный приток Воронежа. Воронеж – река немалая. На ней, как известно, родился российский флот, на ней вырос большой промышленный город. Но город вот уже несколько лет страдает от

жажды. И скоро мы будем иметь, так сказать еще одно «море». Плотины строятся исключительно для того, чтобы задержать воду, ибо река не в силах уже напоить промышленный город. Слов нет – город велик, воды надо много. Но, с другой стороны, и река, по которой когда-то шли на Азов корабли, основательно обмелела. А это следствие того, что главный ее приток и еще какие-то речки и ручейки недодают воду.

В чем я вижу смысл разговора об Усманке? В том, чтобы каждый из нас понял: рек незначительных нет! Надо беречь каждый ключик чистой воды. Это обращение «ко всем» мне кажется важным, потому что многие беды проистекают от наших незнаний, равнодушия и беспечности. Но было бы ошибкой ограничиться только «просветительством» и призывом: беречь! Судьба воды зависит главным образом от того, как мы хозяйствуем на берегах рек. Всякий соблазн рубить лес, «который поближе», соблазн находить «местную целину» для распашки в водоохранной зоне, осушать без большой на то надобности пойменные озера и болотца до сей поры нужным образом не пресекался. А именно это требуется, чтобы сохранить на земле воду. Реки надо считать важнейшей государственной ценностью. Только так можно уберечь Радость, которую нам дают текущие воды, и возможность в любую минуту утолить жажду. Ибо нет на земле напитка лучшего, чем стакан холодной чистой воды.

Комсомольская правда. 1970. 29 ноября